

домик, домяро, домище, домино» и в чём здесь исток проблемы. Либо это невозможность воспринимать всю полноту концепта (как и утверждал Б. Уорф), либо невозможность выразить эти варианты ввиду строгого ограничения данной языковой структуры. «Так, одному человеку непосильно реконструировать картину мира даже и одного языка, мысль же о воссоздании всех языковых картин мира вообще отдаёт утопичностью» [1, С. 45]. Мы не пытаемся это делать, но хотелось бы структурировать основные проявления взаимодействия русской и английской языковых картин мира.

Литература

1. Даниленко В.П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа // Вестник ИГЛУ. Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста. Сер <Лингвистика 4>, вып.5. – Иркутск, 2003. – С.38-46
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
3. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С.135-198.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Озерова В.М.

Белгородский государственный университет

Культура, традиции, национальные предпочтения, менталитет, история той или иной языковой общности позволяют нам определить каузальность употребления лексических единиц для выражения ментального образа. Например, в испанском языке существуют такие фразеологизмы: *borracho como una uva* (дос.: «пьяный, как виноград»), *coger el toro por los cuernos* (брать быка за рога), которые носители языка усваивают также, как усваиваются значения обычных слов, а людям, изучающим язык, для осмысления таких оборотов необходима дополнительная информация об особенностях жизни в определенной стране. То есть внутренняя форма устойчивого оборота (под внутренней формой фразеологической единицы принято понимать диахроническую

связь фразеологического значения оборота и его этимологического значения) может быть в современном языке немотивированной. как, например, во фразеологизмах, *carabina de Ambrosio* (о бесполезной вещи, «ни Богу свечка, ни черту кочерга»), *cabeza de turco* (козел отпущения), *niño gótico* (шеголь, пижон, хлыщ), *alhaja con dientes* (нахлебник, дармоед), *caballo de vapor* (лошадиная сила); *tomar las de Villadiego* (дать тягу, пуститься наутек, дать стрелкача), *dar calabazas* (отказать жениху, дать от ворот поворот), *irse al Pardo* (потерять цвет, выцвести, вылинять), *cometer figuras* (ораторствовать, витийствовать), *abate Pirricas* (хлыщ, пижон), и т.п. В этом случае идентичное фразеологизму свободное словосочетание бессмысленно, либо лишено реальной образной ассоциации.

Свободное сочетание, соотносимое с фразеологизмом, внутренняя форма которого с этимологической точки зрения мотивирована эксплицитно, может восприниматься как смысловое, метафорическое, образное декодирование значения устойчивого сочетания. Заметим, что, если не принимать во внимание общепринятый смысл фразеологической единицы, а опираться на внутреннюю форму, возможно ошибочно интерпретировать семантику данной единицы. Так, например, внутренняя форма фразеологического оборота *hacer tragar la pildora (a alguien)* (дос.: «заставить кого-либо проглотить таблетку, пилюлю») может быть воспринята как «облегчить тяжелую ситуацию, помочь кому-то в трудном положении». Однако значение фразеологизма прямо противоположное: «сделать, сказать кому-либо нечто неприятное». Следовательно, в приведенном сочетании носители языка подразумевают, что «пилюля» – не помощь, не способ выхода из неприятного положения, а, наоборот, нечто нежелательное, то, что не хочется слышать, делать и т.д.

Таким образом, можно говорить о том, что внутренняя форма способствует возникновению в сознании ассоциативных связей. Кроме того, типизированная ситуация, выражаемая внутренней формой, несет в себе, по мнению О.В. Латиной, «определенную целостную ориентацию, закрепленную за ней над индивидуальным сознанием предшествующих поколений, выработанную общественной практикой в процессе исторического развития данного общества».

Говоря о структуре, внешнем оформлении устойчивых сочетаний, следует отметить особенности, которые, в силу специфики строя языка, определяют построение фразеологизмов. Например, лексему «несравненный, неподобный» на испанский язык можно перевести сочетанием *sin par*, что дословно переводится как «без пары», то есть «второго такого нет». Лексическая аналогия очевидна, хотя структура отличается – в русском языке используется одна номинативная единица, а в испанском – две. В русском языке выражение «в мгновение ока» кратко по форме, а испанское *en un abrir y cerrar de ojos* нельзя передать без использования двух глаголов, так как лексема «мгновение» в значении «однократное мигание века» не имеет аналогового соответствия в испанском языке. Его заменяют глаголы, описывающие процесс мигания – открыть и закрыть (глаз).

Интересны и фразеологические сравнения, смысл которых понятен, однако невозможно дословно, в той же форме передать их в силу специфики сравнения, основанной на истории, менталитете нации. Мы имеем в виду обороты типа «красный, как рак», «пить, как сапожник», «хитрый, как лиса», «работать, как вол» и т.п. Приведем ряд примеров: *alegre como una gaita* – веселый, как волынка; *alto como la cigüeña* – высокий, как аист; *beber como una esponja* – пить, как губка; *aburrirse como una ostra* – скучать, как устрица.

Семантическая структура таких оборотов одинакова в русском и испанском языках: «название качества или действия + союз + метафорический интенсификатор качества, действия и состояния». Прилагательное или глагол соотносятся с конкретным ментальным образом, характеристика которого дублируется: она выражается через присущее ему качество или совершаемое им действие, или его состояние. Причем прилагательные и глаголы употребляются в прямом значении; а далее характеристика усиливается метафорическим интенсификатором, который увеличивает либо степень названного качества, либо степень интенсивности действия. Названные качества, действия интенсифицируются с помощью метафор, закрепленных в сознании носителя языка: русскоговорящий знает, что качество прилагательного «гордый» может быть усилено за счет сравнения

«как орел», а испанец понимает, что выражаемое глаголом *dormir* состояние можно интенсифицировать с помощью метафоры *como un tronco* или *como un lirón*.

В культуре русского народа сигнификаты «волынка», «устрица», «виноград», «ящерица» не имеют широкого распространения, они не характерны для культуры, территории расселения нации. Но мы понимаем, что испанец хочет сказать, используя такое выражение: глагол либо прилагательное несет основную семантику сочетания. Но при переводе с русского на испанский мы, не зная такого сочетания, никогда бы не употребили его в такой конструкции – у русскоговорящих ассоциации основаны на своем представлении о мире. У нас о человеке, занимающем высокое положение, говорят «важная птица», испанцы говорят «*pez gordo*» (толстая рыба); о событии, которое никогда не произойдет мы скажем «когда рак на горе свистнет», а испанец – «*cuando las ranas críen pelos*» (когда у лягушек вырастут волосы).

Таким образом, отметим, что фразеологические единицы разных культурных групп, различных народов отличаются по своим характеристикам и форме выражения ментального образа. Исторические особенности формирования языка определили предпочтения в использовании лексем и закрепленных в речи устойчивых сочетаний, соотнесенных с представлениями носителей языка о жизненных явлениях, характеристиках, действиях, образе жизни в целом.

Литература

1. Латина О.В. Экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.